

Лукошус Оксана Геннадьевна

ИНВАРИАНТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИ АНАЛИЗЕ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО TRUE

Статья раскрывает содержание понятия "инвариант", которое рассматривается в рамках концепции общего значения в отечественной и зарубежной лингвистике и применяется для определения семантических компонентов, которые лежат в основе значений полисеманта, составляющих семантическую структуру слова, в соответствии с интуицией среднего носителя языка. Основное внимание в статье автор акцентирует на применении концепции инвариантного значения при анализе семантической структуры многозначных слов на примере английского полисеманта true.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 113-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Авраменко А. П. Русский символизм и немецкая культура // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М.: МГУ, 1987. С. 158-170.
2. Альфонсов В. Н. Поэзия Б. Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
3. Иванова Н. Пастернак и другие. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005. 560 с.
6. Пастернак А. Л. Воспоминания. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 432 с.
7. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. М.: Слово-Slovo, 2003. Т. I. Стихотворения и поэмы. 576 с.
8. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. М.: Слово-Slovo, 2004. Т. II. Стихотворения и поэмы. 528 с.
9. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. М.: Слово-Slovo, 2004. Т. III. Проза. 632 с.
10. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. М.: Слово-Slovo, 2004. Т. V. Публицистика. 632 с.
11. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. М.: Слово-Slovo, 2005. Т. VII. Письма 1935-1953. 785 с.
12. Тураев С. В. Гете и его современники. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 238 с.
13. Шаламов В. В гремящую грозу умрет глухой Бетховен [Электронный ресурс]. URL: <http://shalamov.ru/library/12/78.html> (дата обращения: 14.03.2013).

“GERMAN TEXT” AND B. PASTERNAK“SCREATIVITY INTERMEDIALITY

Lavrent'eva Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Ryazan State University named after S. Yesenin
natlaw@yandex.ru

The Russian-German literary and cultural connections are one of the most perspective themes of modern comparative studies. Boris Pasternak was oriented towards the German culture; he mentioned Wagner, Beethoven, and Bach among favourite composers. Music became a part of his creativity. Beethoven's image became one of the elements of the “German musical text” in poetry and prose, to which analysis this article is devoted.

Key words and phrases: Russian-German literary connections; intermediality; German music; “German text”; intertextuality; comparative analysis.

УДК 811.111

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «инвариант», которое рассматривается в рамках концепции общего значения в отечественной и зарубежной лингвистике и применяется для определения семантических компонентов, которые лежат в основе значений полисеманта, составляющих семантическую структуру слова, в соответствии с интуицией среднего носителя языка. Основное внимание в статье автор акцентирует на применении концепции инвариантного значения при анализе семантической структуры многозначных слов на примере английского полисеманта true.

Ключевые слова и фразы: общее значение; полисемант; содержательное ядро полисеманта; инвариант; семантическая структура слова; семантический компонент.

Лукошус Оксана Геннадьевна

Московский городской педагогический университет
Kim8807@rambler.ru

ИНВАРИАНТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
ПРИ АНАЛИЗЕ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО TRUE[®]

Как известно, словарный состав языка представляет собой структурное единство взаимосвязанных лексических единиц. В свою очередь мир мыслится человеком посредством значений этих лексических единиц. Элементы семантической структуры – разные значения лексической единицы – являются своеобразными «ячейками», в которых отражаются объективная действительность и воображаемый мир человека. В этой связи исследователи явления полисемии сталкиваются, с одной стороны, с проблемой выделения основания для различения отдельных значений полисеманта. Поскольку в памяти индивида не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов, представляется очевидным, что системная информация о единицах языка хранится в памяти человека в сжатом, компактном виде. Это позволяет говорить, с другой стороны, о наличии у каждого полисеманта более или менее постоянного смыслового ядра, независимого от контекста.

На современном этапе развития лингвистической науки до сих пор продолжают дискуссии о том, что представляет собой содержательное ядро полисеманта (см. работы Ш. Балли, А. А. Потебни, Р. Якобсона, Ю. Д. Апресяна, А. А. Уфимцевой, М. В. Никитина, Н. В. Перцова, и др.). В связи с теорией значения, в рамках которой разрабатывается концепция общего значения, представляется необходимым ещё раз отметить, что отдельные значения полисемантов, несомненно, связаны между собой, в противном случае не существовало бы необходимости объединять их в одну словарную статью. Вопрос, на который необходимо найти ответ в рамках данного исследования, заключается в том, в чём состоит семантическая общность всех значений полисеманта.

Отметим, что ряд учёных, в частности, Д. Н. Шмелёв, признают лишь наличие связей между отдельными значениями полисеманта на основе какого-то общего семантического признака (см.: [14]). Так, автор отмечает наличие связи между значениями на основе ассоциативных или репрезентативных признаков, которые содержатся в первом значении полисеманта, демонстрируя это на примере слова *ключ*. Сравнивая первое и третье значения («металлическое приспособление для отпираания замка» и «средство для разгадки»), Д. Н. Шмелёв утверждает, что третье переносное значение непосредственно развивает элемент исходного значения – то, при помощи чего можно отпирать, таким образом, слово сохраняет лишь основной признак функционального назначения предмета [Там же, с. 90]. По мнению автора, стержнем слова выступает не отдельное его значение, а те семантические элементы, которые являются общими для всех его значений. При этом Д. Н. Шмелёв подчёркивает отсутствие необходимости поиска общего значения, которое могло бы рассматриваться в качестве семантического инварианта или неизменного смыслового ядра, аргументируя это тем, что сам факт наличия у слова общего значения представляется сомнительным, поскольку свойственные слову значения соотносят его с разными семантическими группами слов. В главном значении, по мнению учёного, следует видеть значение, которое «наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [Там же, с. 79-80, 212].

Однако, несмотря на критику концепции общего значения, Д. Н. Шмелёв в более поздних работах предпринимает попытки сформулировать общее значение на примере слова *временка*, которое служит для обозначения разнородных предметов (печка, барак и т.д.). Автор подчёркивает, что общее значение в этом случае «имеет иное содержание, чем в применении к многозначным словам, так как общим оно является не по отношению к различным частным значениям слова, а соотносится с разнородными группами предметов на основе общего признака» [13, с. 95].

Следует отметить, что в целом концепция общего значения широко критиковалась и не получила широкого признания среди отечественных исследователей, поскольку само постулируемое явление не получило чёткой формулировки. Так, одни учёные приравнивают общее значение к первому значению (см. работы Р. А. Будагова, Р. Якобсона), другие относят его к абстрактным схемам, теоретическим построениям (см. работы Е. Р. Куриловича, Л. А. Новикова), третьи принимают в качестве общего значения совокупность признаков или признак, который объединяет значения полисемантов и имеет «активный характер» (см. работы В. А. Звегинцева, Д. Н. Шмелева, Э. В. Кузнецовой). Сторонники существования общего значения отмечают наличие единой семантической «нити», которая связывает значения полисемантов так, что при всех их различиях они являются значениями слова. Такую семантическую общность значений полисемантов современные авторы называют «семантическим центром» (см. работы Е. Г. Беляевской) или «инвариантом» (см. работы Ю. Д. Апресяна, Н. В. Перцова, А. А. Уфимцевой и др.).

Рассмотрим более подробно теорию инварианта и ее отражение в современной отечественной лингвистической науке.

Вопрос об общности интерпретаций языковой единицы составляет суть теории инвариантности, которую принято связывать с работой Р. О. Якобсона об общих значениях русских падежей [15]. Ученый относит зарождение теории к 70-м годам XIX века, к деятельности Казанской лингвистической школы. На рубеже веков теория инвариантности получила широкое толкование по отношению к единицам звуковой системы языка (см. работы Пражского лингвистического кружка), где под вариантами понимали звуковые реализации одной и той же фонемы, которая рассматривалась как инвариант.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) предлагает следующую трактовку термина *инвариант* (от лат. *invariants* – неизменяющийся, см. *вариантность*). Как термин, характеризующий способ существования и функционирования языка, *вариантность* характеризуется с помощью понятий *вариант*, *инвариант*, *варьирование*, при этом вводится оппозиция *вариант-инвариант*. Под *вариантами* понимаются разные проявления одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой. Под *инвариантом* понимается абстрактное значение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов. В понятии инварианта отображаются общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект и не является образцовым вариантом. Так, например, классы фонетически сходных и функционально тождественных звуков в любом языке ($a^1, a^2, \dots a^n$) представляют собой вариантные ряды, инвариантом которых является фонема А. При попытке произнести фонему А произносится один из ее вариантов $a^1, a^2, \dots a^n$ [6, с. 80-81].

Как отмечает Е. Г. Беляевская, под *инвариантом* понимают абстрактную единицу языка, обладающую совокупностью черт и основных признаков всех её конкретных реализаций, рассматриваемых как варианты данной единицы [3, с. 83].

Ю. С. Степанов отмечает, что «гораздо существеннее установить не общее значение слова, а его инвариантное значение, для которого вполне достаточно указать не совокупность некоторых признаков, как при описании общего значения, а всего лишь определить его относительно других вариантов. Сама же совокупность признаков при этом может оставаться неясной или не поддающейся определению», то есть достаточно очертить круг признаков, без указания перечня этих признаков [10, с. 19].

Представители Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, Н. В. Перцов, Н. Г. Комлев и др.) полагают, что в качестве семантической общности значений выступает *семантический инвариант*. Он понимается как «некоторое свойство языковой единицы, объясняющее её внешне разнородные частные значения (интерпретации) или тем или иным образом «крепляющее» эти частные значения – в соответствии с интуицией носителей и исследователей языка» [8, с. 47]. Инвариант может выступать в сильной трактовке, когда под сильным инвариантом понимается некая семантическая сущность, из которой по определённым строгим правилам получают её частные интерпретации (например, конкретные лексические значения вокабулы). Слабый инвариант некоторой единицы, имеющей разные интерпретации, может мыслиться как некоторое общее ядро / компонент, присутствующий во всех интерпретациях лексической единицы [Там же, с. 36-47].

Некоторые учёные предпринимали попытки установить связь между значениями слов с помощью *нетривиального семантического компонента* [2, с. 636], *модели семантической деривации* [7, с. 9-11]. Так, например, при определении инварианта слова *молния* Ю. Д. Апресян отмечает, что два значения этого слова – *разряд атмосферного электричества* и *срочно выпускаемая стенная газета, посвященная важному событию*, связывает общий признак *быстрота* [1, с. 179]. При этом автор выделяет один нетривиальный семантический компонент без формулировки инварианта слова.

Анализируя пространственно-дистанционные предлоги и наречия *вдали / вдалеке / недалеке / вблизи / близ*, О. Н. Селиверстова приходит к выводу, что инвариантной частью всех значений этих языковых единиц является то, что пространство нахождения X-а, или позиция, которую он занимает, выделяется не только по отношению к Y-у, но и по отношению к какому-то другому пространству или к каким-то другим позициям [9, с. 813]. Это приводит к тому, что пространственное положение X-а выделяется на фоне членения какого-то большого пространства (обычно это пространство, границы которого определяются перцептивными возможностями человека) или распределения позиций в рамках заданного пространства (его границы часто определяются местом действия событийного фрейма). Так, *вдали / вблизи* указывают на одну из дистанционных полос, являющихся частями перцептивно воспринимаемого пространства. Чаще всего это пространство, начинающееся от наблюдателя и кончающееся у линии горизонта. *Вдали* указывает при этом на последнюю, наиболее удаленную от наблюдателя полосу пространства, а *вблизи* – на ближайшую. Каждая полоса, таким образом, входит в общее более широкое пространство, которое, следовательно, вводится в общую картину описания.

Другой инвариантной характеристикой семантики рассматриваемых групп служит отдаленность места нахождения X-а от Y-а (X не находится в пространстве, непосредственно примыкающем к Y-у). Он занимает либо особую, отдельную часть пространства, либо отдельно выделяемую позицию.

Для описания семантики проанализированной группы оказалось важным противопоставление по признаку «локус (позиция), т.е. тот участок пространства, который непосредственно занимает объект, и пространство нахождения, т.е. более широкое пространство, которое включает локус». Так, как показало проведенное исследование, *вдалеке / недалеке* соотносят X именно с его локусом, причем таким, который не занимает всю ту пространственную полосу, в которую входит. Напротив, *вдали / вблизи* указывают на широкое пространство [Там же, с. 814].

Таким образом, очевидно, что исследования последних лет свидетельствуют о допустимости введения инвариантного значения, поскольку инвариант может существовать в сознании носителя, облегчая восприятие и хранение концепта (см. работы А. Д. Кошелева, А. Д. Шмелева, А. Зализняка, О. Н. Селиверстовой, Т. Е. Янко, С. А. Песиной и др.). В данном исследовании разделяется точка зрения на тот факт, что значение слова на уровне языка может быть представлено в том числе в виде инварианта как результата актуализаций отдельных значений этого слова. В данной работе признается существование и функционирование инварианта, который определяется в рамках определения Московской семантической школы с некоторыми дополнениями как *абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые лежат в основе значений полисеманта, составляющих семантическую структуру слова, в соответствии с интуицией среднего носителя языка*.

Предпримем попытку определить инвариант многозначного слова *true*. Моделирование семантической структуры полисеманта представляется необходимым начать с анализа широкого круга контекстов. Как отмечает А. А. Уфимцева, «наличие экспонента денотата, то есть референта словесного знака в речи в виде конкретного материального объекта, события, факта, выявляется исключительно в контексте высказывания, обуславливающим статус слова с сигнификативно-денотативным типом значения»; иными словами необходимо определить сферу и модели его лексической сочетаемости [11, с. 65].

На первом этапе исследования с применением гипотетико-дедуктивного метода на основе контекстного и дистрибутивного анализа примеров из корпусов лексики (*British National Corpus* и *Corpus of Contemporary American English*), а также данных словарей была построена гипотеза об инвариантном значении языковой единицы, которая затем проверяется и дополняется путём эксперимента и работы с информантами.

Так, широкий контекстный и дистрибутивный анализ случаев употребления исследуемой лексической единицы показал её частотную сочетаемость в контекстах, описывающих:

а) человека, группу лиц, нацию:

Salim reads about their doings in his magazines of popular science, and letting Ferdinand into the secret of his interest, he feels he is revealing his 'true self'. / Салим читает о том, что они делают в научно-популярных журналах и, раскрывая Фердинанду секрет своего интереса, он чувствует, что раскрывает своё истинно Я (здесь и далее перевод автора). He is a small, bearded, rather rotund man in his late thirties, always jovial and

yet **a true professional** who takes his responsibilities very seriously [5]. / Он – мужчина около 40 лет, невысокого роста, с бородой, довольно полный, всегда весёлый и при этом настоящий профессионал, который серьёзно относится к своим обязанностям;

б) сферу чувств и эмоций:

Once Fokine had demonstrated that mimed dance and danced mime were the best materials to use in ballets where individual characters had to stand out from the rest of the cast, and particularly when **true love** did not run smoothly [4]. / Однажды Фокин показал, что съмитированный танец и танец-пантомима – самый лучший материал для использования в балете, где отдельные герои должны выделяться на фоне остальных и особенно, когда настоящая любовь была бурной;

в) абстрактные сущности, свойства, отношения:

After an accident in which a pilot was killed by a strike, the remains of the aircraft showed **the true potential power of nature**. / После происшествия, в котором пилот был убит разрядом молнии, остатки самолёта показали истинную возможную силу природы. Fizzy keg beer it may be, but that is no reason to dismiss it out of hand without considering its appeal as **a true classic beer**. / Возможно, это пенящееся пиво из бочки, но это не причина, по которой его можно выпустить из рук, не учитывая всю его привлекательность настоящего классического пива. **The true reason**, of course, is a secretive state's ancestral suspicion of its own citizens, and its desire for absolute control of information [Ibidem]. / Истинная причина, конечно, заключается в унаследованном тайном подозрении своих граждан и стремлении к абсолютному контролю над информацией;

г) внешность:

I said, and at last tore my gaze away from her **true blonde charms** and her large grey eyes that were now filling wetly [5]. / Я сказал и, наконец, оторвал взгляд от этой очаровательной натуральной блондинки и от ее больших серых глаз, в которых появились слёзы;

д) деятельность человека:

This is **true leadership** [4]. / Именно так и надо руководить.

Как представляется, прилагательное *true* имеет в своей семантической структуре два инвариантных значения. *True I* употребляется в контекстах, описывающих ситуации, когда говорящий констатирует **точное соответствие объекта X истинному положению дел, действительности, фактам, законам, правилам, истине**. Ср.:

He tells **the true story** of a clergyman, Father Kleinsorge, who was helping to tend the wounded. «Well, tell me **the true picture**» [Ibidem]. / Он рассказывает правдивую историю священника, отца Кляйнзорге, который помогал раненым. «Что ж, расскажите мне как всё было на самом деле». Рассказанная история соответствует тому, как развивались события, она соответствует фактам действительности.

Ср.: So it is suggested that the Zuwaya image of statelessness was substantially a replica of how their ancestors conceived their society ought to have been, rather than **a true and accurate picture** of how it was [Ibidem]. / Итак предполагается, что образ Зууайя без гражданства был не истинной и точной картиной общества, а, по существу, моделью того общества, которое задумали их предки.

This is an utterly tentative suggestion; but the question «To what is **the image true?**» clearly deserves some sort of answer [Ibidem]. / Это совершенно предварительное предложение, но вопрос «В какой степени это правда?» явно заслуживает некоторого ответа.

There are myths that humans have the ability to regenerate, and that is really only **true** to a certain extent [Ibidem]. / Существуют мифы, что люди обладают способностью к регенерации, и это действительно верно только в некоторой степени.

For each product multiply the percentage by the **true** cost then add all the figures [Ibidem]. / Для каждого продукта умножьте процент истинной себестоимости, а затем сложите все цифры.

The operation, and the lack of a correct diagnosis of her **true illness**, had killed her [Ibidem]. / Операция и отсутствие точного диагноза ее истинной болезни убили её.

The most important point, however, that emerged from Hartner's investigation was that by 503 BC the Babylonian astronomer-priests had discovered that the tropical year (the year of the seasons) is not of exactly the same length as the sidereal year (**the 'true' astronomical year**) [Ibidem]. / Наиболее важным результатом исследования Хартнера было то, что к 503 году до н.э. вавилонские астрономы-священники обнаружили, что тропический год (времена года) не был таким же по продолжительности, что и звездный год (истинный астрономический год).

Sure enough, there is observational evidence of such clusters going back to the 11 000 nebular objects listed in J. L. E. Dreyer's New General Catalogue, in the 1890s, long before Hubble's discovery of their **true nature** [5]. / Конечно же, есть экспериментальные подтверждения, что такие кластеры берут начало в 11 000 туманных объектов, перечисленных в Новом общем каталоге Дрейера в 1890-х, задолго до открытия Хабблом их истинной природы. Истинная природа, соответствие тому, каков X на самом деле по своей природе / сути / с рождения / с начала существования.

Ср.: According to the photographer, the amazingly bright reds in this photo are the **true color** of the rock [4]. / По словам фотографа, удивительно яркие красные цвета на этой фотографии – настоящий цвет породы.

All this correspondence is detrimental to her **true gifts** [Ibidem]. / Вся эта переписка вредит её истинному таланту.

Arab astronomy and African transport systems, angels and oak apples, hydraulics and the guillotine, druids, and the grande armée, catharsis, ectoplasm and solar mythology, the last meals of frozen mastodons and **the true nature**

of manna [Ibidem]. / *Арабская астрономия и африканская транспортная система, ангелы и дубовые галлы, гидравлика и гильотина, друиды и Великая Армия, катарсис, эктоплазма и солнечная мифология, последние блюда замороженных мастодонтов и истинная природа манны.*

Второе инвариантное значение имеет следующий вид: *True 2* вносит информацию о том, что у объекта *X* констатируется наличие **набора характеристик / качеств, позволяющих отнести его к членам множества *Y*-ов.**

Ср: Our marriage is now to him, and a true Christian family is a tangible evidence of his kingdom, or kingly rule, on earth [5]. / *Наш брак теперь перед Ним, и истинная христианская семья – это материальное свидетельство Его царства, или царского правления на земле.*

This is why the search for true happiness will inevitably start to expose the shallowness of our lives [Ibidem]. / *Вот почему поиск истинного счастья неизбежно начнёт раскрывать ограниченность нашей жизни.*

And when he met and married Nessie Monaghan, he was immediately aware, like any true artist, that she had the better natural voice and he contented himself with being a better-than-ordinary pub tenor and a hit at every christening, wedding and funeral he attended [Ibidem]. / *И когда он встретил и женился на Нессу Монаган, он сразу осознал, как и любой настоящий артист, что у неё был лучший естественный голос, и он боролся за то, чтобы быть лучше, чем обычным тенором в пабе и хитом на каждых крестинах, свадьбу и похоронах, на которых он присутствовал.*

They were the only sure support, the one true comfort [Ibidem]. / *Они были его единственной поддержкой, одним истинным утешением.*

True love is not egotistical, self-regarding, full of grief or irresistible demands, afflicted with anger, jealousy or self-satisfaction [Ibidem]. / *Настоящая любовь не эгоистична и себялюбива, она полна горя или непреодолимых требований, поражённых гневом, ревностью или самодовольством.*

For most people it seems that it is necessary to stay long enough to enjoy the bad weather as well as the good, to gain a true appreciation of the countryside [Ibidem]. / *Для большинства людей кажется, что необходимо оставаться достаточно долго, чтобы насладиться плохой или хорошей погодой, чтобы получить правильное понимание сельской местности.*

So you see he was very happy, very flattered to be bought drinks in The Bar, and this life with hardly any money at all was why listening to other people's classical music on their expensive sound systems was a real and true idea of luxury to him [4]. / *Таким образом, вы видите, что он был очень счастлив, очень польщён тем, что ему купили напитки в баре, и такая жизнь почти без денег вообще была причиной, почему прослушивание классической музыки на дорогих звуковых системах других людей было для него настоящим и истинным пониманием роскоши.* Представления говорящего о соответствии *X* его / ее представлениям о том, каким должен быть *X*, соответствие *X*-а правде говорящего (имплицитно подразумевается идея о том, что у каждого своя правда, а истина одна для всех).

Подводя итог вышесказанному, следует ещё раз отметить, что большое число работ, посвящённых концепции общего значения у полисемантов, и многочисленные попытки определить общий смысловой компонент у значений полисемантов свидетельствуют об ощущаемой потребности такого поиска, что подтверждается в первую очередь интуицией носителей языка. Кроме того, проблема поиска содержательного ядра полисеманта остаётся актуальной в силу того, что существующие толковые словари не могут служить источником надёжных сведений о специфике значений полисеманта, что послужило, в частности, одной из предпосылок исследования полисемантов английского языка с общим значением *настоящий* (группа синонимов *true, loyal, faithful*) и поиска их инвариантных значений.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 436 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: *Studiaphilologia*, 2004. 1488 с.
3. **Беляевская Е. Г.** Семантика слова. М.: Высш. шк., 1987. 128 с.
4. **Британский национальный корпус текстов (British National Corpus)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 13.09.2013).
5. **Корпус современного американского английского языка (The Corpus of Contemporary American English)** [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 17.08.2013).
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Яревой. Изд-е 2-е, доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
7. **Падучева Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
8. **Перцов Н. В.** Проблема инварианта в грамматической семантике (на материале русского словоизменения): дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. 322 с.
9. **Селиверстова О. Н.** Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
10. **Степанов Ю. С.** Структурно-семантическое описание языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1966. 53 с.
11. **Уфимцева А. А.** Лексическое значение: принцип семантического описания лексики / под. ред. Ю. С. Степанова. Изд-е 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
12. **Уфимцева А. А.** Опыт изучения лексики как системы. М.: Наука, 1962. 165 с.
13. **Шмелёв Д. Н.** Очерки по семасиологии русского языка. Изд-е 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.
14. **Шмелёв Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
15. **Якобсон Р.** К общему учению о падеже. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

INVARIANT MEANING: PROBLEM HISTORY AND PRACTICAL USE WHILE ANALYZING POLYSEMANTIC ADJECTIVE *TRUE* STRUCTURE

Lukoshus Oksana Gennad'evna
Moscow City Teachers' Training University
Kim8807@rambler.ru

The article reveals the content of the notion “invariant”, which is considered within general meaning conception limits in native and foreign linguistics and is used for determining the semantic components that are the basis of the polysemantic word meanings making up its semantic structure in accordance with the average language bearer’s intuition. The author pays special attention to invariant meaning conception use while analyzing polysemantic words semantic structure by the example of the English polysemantic word *true*.

Key words and phrases: general meaning; polysemantic word; polysemantic word content nucleus; invariant; word semantic structure; semantic component.

УДК 8; 82-31

Филологические науки

В статье определяются интегральные и дифференциальные признаки романов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и К. Чапека «Война с саламандрами» с точки зрения мировоззренческих позиций авторов, индивидуального стиля каждого; выявляются особенности художественной действительности романов посредством анализа типологических сближений на пространственно-временном и сюжетно-композиционном уровнях текста.

Ключевые слова и фразы: роман; хронотоп; сюжет; композиция; темпоральная модель; симметричное обрамление; приемы «сцепления глав», «сквозных глав».

Малыгина Инна Юрьевна, к. филол. н.
Ставропольский государственный педагогический институт
ravlihinina@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ И СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНОВ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И К. ЧАПЕКА «ВОЙНА С САЛАМАНДРАМИ»[©]

Сопоставленное рассмотрение романов М. Булгакова и К. Чапека основывается на наличии в их художественном континууме многочисленных сходных черт. По мнению С. В. Никольского, оба писателя «принадлежат к одной эпохе, которую когда-то назвали эпохой войн и революций. В поле зрения обоих авторов находились одновременно жизнь человека и человечества, судьбы личности и судьбы родины. Индивид воспринимался ими в контексте макромира человеческих отношений... Оба писателя терзались крайними, пограничными вопросами и загадками самого феномена человека и человеческого бытия... конфликтностью современного мира, «страшным обесцениванием человеческой жизни» [10, с. 5]. Типологические сближения в романах М. Булгакова и К. Чапека очевидны на разных уровнях текста: идейно-тематическом [8, с. 184-189], пространственно-временном, сюжетно-композиционном.

Контаминация хронотопов и специфика художественного времени в романах

Пространственная организация романа М. Булгакова тесно связана с временной. Ю. М. Лотман указывал, что «пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и т.п.» [6, с. 252]. Так как в «Мастере и Маргарите» выделяются два временных пласта, то в соответствии с ними перед нами возникают два континуума: московский и ершалаимский. Действия двух этих линий ограничены только рамками города. Являясь моделью реального пространства, художественное пространство определенным образом коррелирует с ним. Поэтому естественно, что в фантастическом пространстве романа легко узнаются московские улицы и переулки, угадываются особняки и дома. Это же мы наблюдаем и в «Войне с саламандрами»: «Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры» [12, с. 7]. Однако если у Булгакова пространство локально ограничено только двумя городами (лишь один раз оно расширяется при полете Маргариты), то у К. Чапека картина охвата очень велика: перед нами картина всей планеты с множеством стран, островов, городов. По этому поводу писал О. М. Малевич: «Роман чешского писателя поражает широтой охвата действительности: это весь земной шар, поставленный перед читателем, как вращающийся на своей оси настольный глобус...» [7, с. 202].

У авторов расширение пространства происходит за счет применения различных приемов. У Чапека это происходит в одной плоскости, а у Булгакова затрагивает две: пространство реальной действительности и